

Наталья Солдаткина

МАЙКИНЫ СКАЗКИ

0+

Наталья Александровна Солдаткина

Майкины сказки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50634077

SelfPub; 2020

Аннотация

Сказочные повести для детей дошкольного и младшего школьного возраста о приключениях веселой компании детей и их любимых домашних питомцев, иллюстрированные художником Поповиченко Т.

Сказка первая

Походная

Мурка потянулась, сладко зевнула и лизнула Майку в нос. Майка наморщила носик и чихнула. Грунька радостно вскочила с коврика и залаяла:

– Майка! Майка! Пр-р-росыпайся, встать по-р-р-ра.

– Гр-р-рунька, Гр-р-рунька, – заурчала Мурка, – ну что ты такая гр-р-ромкая.

Майка тоже потянулась, открыла глаза, погладила Мурку по желтой спинке и протянула:

– Гру-у-нечка, ну давай еще повалеемся.

Но было уже поздно, на шум пришла мама:

– Проснулись подружки. А ну, живо умываться!

Грунька – годовалая бурая такса, Мурка – желтая кошка неизвестной породы, ей тоже исполнился один год, а Майка – просто девочка семи лет, по кошачье-собачье-человеческим меркам они были ровесницами. С мамой шутки были плохи, поэтому Мурка быстро умылась, вылизав свою шерстку, Грунька вскочила, и встряхнулась, а вот Майке пришлось накиннуть тапочки на босу ногу и шлепать в ванную.

Вскоре вся троица уже была на кухне. Майка умытая, с тугими русыми косичками, в красном ситцевом платье сидела за столом, а Мурка с Грунькой на полу у своих мисочек. На завтрак были оладьи со сметаной, они их обожали. Мурка ела медленно и аккуратно, тщательно слизывая с ола-

дышка сметанку. Грунька же как всегда быстро проглотила свою порцию и прибежала к столу, выпрашивать куски.

– Поели? А теперь живо во двор! Мне уборку нужно делать, – приказала мама.

После сытного завтрака играть было лень, и они уселись на крыльце – греться на ласковом майском солнышке. Вишни давно отцвели, и в молодой ярко зеленой листве уже проглядывали крошечные пока зеленые вишенки. Пышно цвела сирень у забора, а вдоль дорожки, ведущей к калитке, красовались алые тюльпаны и желтые нарциссы. Первой от дремы очнулась Грунька:

– Ну что, девчонки! Так и будем сидеть весь день?

– Я не пр-р-отив, очень даже пр-р-риятно, – проурчала Мурка.

– А давайте снова пойдем сказку искать, – предложила Майка.

– Ну, вот ещ-щ-ще, – зашипела Мурка, – вчера мы уже искали ее в луже с головастиками. Оч-ч-чень мокрая и грязная сказочка получилась. И мама нас отругала, когда мы испачканные домой пришли.

– А мне понр-р-равилось! – громко перечила ей Грунька, – очень веселая сказочка. Я хр-р-рабро спасала Майку, тонувшую в океанской луже.

– Да уж, спасала, – засмеялась Майка, вспоминая вчерашнее, – если бы ты не поднимала столько брызг, мы бы не были такими грязными.

– Это не я, это хулиган Вовка камни в лужу стал швырять и всех забрызгал, – обиделась Грунька.

Вовка был легок на помине. Его рыжая вихрастая голова уже торчала над забором, а на конопатой рожице всюду светила задорная улыбка:

– Майка – зазнайка! Майка – зазнайка! – Радостно прокричал он.

– Вовка – морковка! – не осталась в долгу она, намекая на его рыжую шевелюру.

Грунька громко залаяла, а Мурка зашипела. Обмен утренними приветствиями состоялся, можно было переходить к деловым переговорам.

– Ну, что! Куда сегодня махнем? – деловито спросил он.

– А может, мы тебя еще с собой и не возьмем, – важно ответила Мурка.

– Вот еще! А кто вас от врагов будет защищать? – удивился Вовка.

– А мы к ним пока не собираемся, – поддержала Мурку Грунька.

– А давайте мы в рощу ореховую пойдем, деревья спасать! – предложила Майка.

– Спасать – это мне нравится, – согласился Вовка, – а от кого?

– Мы им жизнь будем спасать, – туманно пояснила Майка, – подождите я мигом, – добавила она и кинулась в дом.

Через пару минут Майка вышла с флаконом зеленки и пластырем в руках:

– Айда в рощу. Там деревья погибают. Я вчера по телевизору слышала, что деревья надо спасать.

– Ура! Ура! – радостно запрыгала Грунька, – мы сейчас живо их всех спасем!

– Так хорошо лежали, нет, надо куда-то бежать, кого-то спасать, – лениво поднимаясь, ворчала Мурка.

Ореховая роща была довольно далеко. Прошли по Приморской улице, свернули на Садовую, а потом уже по Лермонтова, никуда не сворачивая, вышли к пшеничному полю, а за ним и роща ореховая на взгорке. Через поле шли по узкой тропинке, медленно поднимаясь по склону. Солнце поджаривало спины. Впереди конечно вышагивал Вовка, за ним вприпрыжку Грунька на своих коротеньких ножках, потом Майка, постоянно оглядываясь на семенящую за главным отрядом Мурку, которая не любила длинных путешествий, и быстро уставала, под конец ее даже пришлось взять на руки.

Но вот и роща. Молодые зеленые листочки лоснились на солнце, а земля была укрыта еще недавно опавшими ореховыми сережками. В кружевной тени деревьев было прохладно, чаща сквозила тайной, где-то там в ее глубине тревожно звала кого-то иволга.

– Майка! От кого же их спасать? – спросил Вовка, с интересом осматривая деревья.

– Ты ничего не понимаешь! – уверенно ответила она, –

посмотри внимательно, вот веточка сломана, мы ее пласти-
рем заклеим, а вот кора содрана, мы ее зеленкой помажем.
Мы станем санитарями леса, понял?

–Понял, но пусть я лучше буду разведчиком. Я буду
раненые деревья искать, а ты уж сама их лечи, – предложил
он.

– А я буду вр-р-рагов леса пугать! – грозно заявила Грунь-
ка и продемонстрировала свой рык.

– А я буду их с дерева высматривать, – сказала Мурка и
тут же взобралась на самую верхушку самого высокого дере-
ва, и улеглась на ветке. Из ветвей тут же выскочила испуган-
ная растрепанная ворона и улетела с воплями «Кар-р-раул!
Кар-р-раул!»

– Ух, ты! Здорово! – восхитился Вовка кошкиной сноров-
кой, – а давайте и мы сперва на дерево взлезем и посмотрим,
кто тут шастает и деревья портит, – сказал и, не дожидаясь
ответа, ухватился за нижнюю ветку, подтянулся и стал ловко
взбираться на орех.

Майка немного огорчилась, что ее план так неожиданно
переменился, но тоже поддалась искушению и стала караб-
каться на дерево, цепляясь за гладкие упругие ветви. Грунь-
ка грустно смотрела вверх, она не умела лазить по деревьям,
а так хотелось. Сперва Майке было страшновато, но сверху
открывался такой чудесный вид на всю окрестность, что и
страх куда-то подевался, а вместо него сердце наполнилось
ощущением свободы, простора и красоты. Сверху пшенич-

ное поле казалось ей зеленым бархатным ковром сплошь в алых бисеринках маков, крыши домов в поселке были разноцветными и делали его нарядным; сверкали золотые купола церкви, а за поселком во всю ширь раскинулось темно-синее в белых баранчиках море. Высоко в бездонной небесной синеве летали голуби и чайки. Ветер легонько покачивал ветки ореха и его насельников.

– Майка! Я понял, это вовсе не орех, а могучий корабль, бригантина. Она несет нас сквозь бури и штормы, – восторженно сообщил Вовка и прокричал, – Свистать всех наверх! Слушать мою команду! Поднять паруса! Полный вперед!

Внизу жалобно заскулила Грунька, она никак не могла выполнить команду «Свистать всех наверх!», но ее никто уже не слышал, с огромной скоростью они уносились вперед на паруснике своей мечты.

– Капитан! С левого борта нас атакуют пираты! – подхватила игру Майка. Мурка удивленно оглянулась, но никого не увидев, снова спокойно улеглась на ветке, но не тут-то было.

– Лево руля! Будем брать их на abordаж! – отдал новый приказ Вовка и запрыгал с ветки на ветку, изображая схватку с пиратами. Бой видимо был жарким, и он подбадривал себя воинственными возгласами, типа «На тебе! На тебе! Получай! А это ты видал? Стой! Не уйдешь!»

Его мимика и прыжки были так забавны, что Майка не удержалась от смеха, Мурка же только скептически щурилась, глядя на всю эту суматоху. А бедная Грунька, абсолют-

но ничего не понимая, не переставая лаяла им наверх:

– Где пираты? Где вр-р-раги? Вовка кидай их вниз, я их на кусочки пор-р-рву!

Но сверху неожиданно донеслось:

– Все, победа! Наша взяла!

Вконец обессиленный в схватке Вовка провозгласил победу и уселся на толстой ветке, вытирая пот со лба.

– А ты чего мне не помогала воевать? Самому пришлось всех пиратов укокошить, – отдуваясь, спросил он Майку.

– Я же санитарка, я раненых ждала, – объяснила она, – Кстати, может ты ранен? Давай я тебя перевяжу.

– Вот еще. Я же мужчина, и так заживет, –

мужественно отказался Вовка от помощи, потирая действительно появившиеся ссадины и царапины, а потом предложил, – давай лучше будем на ветках качаться.

– А как? – спросила Майка.

– Смотри, – сказал он, перебрался на нижнюю ветку, повис над землей и стал раскачиваться, – Оп-па! Оп-па!

– Да, здорово, – согласилась она и последовала его примеру.

Но руки у нее скоро устали, и она спрыгнула на землю, жаль только, платье при этом зацепилось за какой-то сучок, и на дереве остался висеть большой красный лоскут. Вовка же решил перебраться на ветку потоньше, чтобы посильнее можно было раскачаться, но она не выдержала его веса и обломилась, и он полетел в кусты. Кусты оказались колючими,

это был шиповник, и когда он оттуда выбрался, вид у него был жалкий, свежие царапины кровоточили, штанишки были порваны.

– Вовочка! Давай я тебя зеленкой намажу, – стала ласково уговаривать его Майка, с жалостью глядя на его кислую физиономию.

Вовка не мог признаться, что щипучей зеленки боится больше царапин, и по-прежнему стал изображать героизм.

– Не надо, Майечка! Это еще ничего. Ты бы видела, какой я был, когда с крыши гаража свалился, – хабрился он, потирая ушибы и вытаскивая колючки.

– Нет, лучше все-таки намазать, – настаивала она, но когда достала флакон из кармана, он был пуст, а на платье зеленело огромное пятно. Ой, вся зеленка вылилась, как же теперь, – расстроилась Майка.

– Ничего я не знаю про вашу зеленку, но моя мама меня учила, что раны нужно вылизывать, – вмешалась Грунька и принялась зализывать Вовкины царапины.

– Как же, вылизывать, – с иронией произнесла Майка, – а моя мама сказала, что у собак на языке микробы сидят.

– Да ты что? Никто у меня там не сидит, – обиделась Грунька и продемонстрировала свой язык.

Майка внимательно осмотрела язык, Вовка с Муркой тоже глянули, никто там не сидел.

– Ну, что, сидят там ваши микробы? – торжествующе спросила Грунька.

– Да никого там нет, – ответил за всех Вовка.

– А может они малюсенькие, малюсенькие, – предположила Майка.

Груньке было неприятно от мысли, что у нее на языке может кто-то сидеть, но она была уверена, что этого не может быть.

– Не волнуйся, Майечка! Если они там и были, то я их уже давно проглотила, когда оладьи утром ела.

– Ну, вот, значит, они были на языке, а теперь у тебя в животе, – догадался Вовка.

– Да ладно! Они мне нисколько не мешают, – беспечно заявила Грунька и завиляла хвостом.

– Микр-р-робы это хор-р-рошо... это ладно, – задумчиво сказала Мурка, но никто не понял, что ж тут хорошего и удивленно смотрели, дожидаясь объяснения, и она продолжила, – Микробы, микробами, а вот деревья к чему ломать? Мы сюда зачем пришли?

Все задумались, вспоминая, а Мурка напомнила:

– Мы пришли деревья спасать. А сами что? Поломали. Так от кого же их нужно спасать?

Всем вдруг сделалось ужасно стыдно, Вовка даже покраснел до самых ушей.

– А мы вот его сейчас возьмем и вылечим! – решительно заявила Майка.

– Как же, вылечите, – сомневалась Мурка.

Не слушая ее, Вовка с Майкой снова взобрались на орех

и попытались пластырем приклеить обломанную ветку, но она никак не держалась. И зеленки больше не было, чтоб рану у дерева намазать. Настроение у всех совсем испортилось.

– А может оно и так заживет? – подал надежду Вовка.

– Конечно, заживет, – присоединилась к нему оптимистка Грунька.

– А вот мы придем через неделю и проверим, – предложила Майка и ласково погладила орех по стволу, – извини нас дерево, пожалуйста.

– Что-то у меня в животе заурчало, может, это микробы бунтуют, выбраться хотят. А может, они еду требуют, – сообщила Грунька.

Все живо представили, как микробы, сидя у Груньки в животе подняли бунт и требуют еду. Захихикала даже Мурка. А потом вслед за Грунькой все почувствовали, что тоже очень проголодались и решили отправиться домой.

Дружная компания в том же порядке зашагала по тропинке через поле к поселку. Солнце обошло пол неба и снова пекло в спину, сказка подходила к концу, бригантина осталась у причала до следующего путешествия.

Поповиченко

Напоследок, оглянувшись, они увидели, как облюбленный ими орех прощально машет красным лоскутом.

Сказка вторая

Победная

На следующее утро Майка как обычно сидела на крыльчке с Грунькой и Муркой, греясь на солнышке и витая в облаках. Вовка же, как всегда перелез через забор, подбежал и, возбужденно размахивая руками, затараторил:

– Майка, в школьном саду я осиное гнездо нашел. Огромное такое, на дереве висит.

Но Майка оставалась в облаках, где царила тишина, а его слова застревали в них как в вате. Мурка недовольно поморщилась:

– Ну, что ты тут шумишь, – и снова уткнулась носом в мягкую летнюю шубку.

– Майка! – громко крикнул Вовка, и она, очнувшись, резко свалилась с облаков вниз, отчего даже вздрогнула.

– Чего ты кричишь? Я все прекрасно слышу, – осадила она его, – Так что ты там нашел?

– Я говорю в школьном саду гнездо осиное, огромное такое, на дереве висит.

– Ну и пусть себе висит, нам-то чего.

– Да. Нам-то чего? – поддакнула Грунька.

– Как это чего? Как это чего? – удивлялся Вовка, – А мы что сегодня сказку искать не будем?

– Мама мне сказала, что я не сказки ищущу, а приключения на свою голову, – мрачно ответила Майка.

– Ну, что ты, Майечка, цела будет твоя голова! – заволновался Вовка, – я же с тобой (при этом он гордо выпятил грудь). Нам бы только ос этих проклятых победить.

Мурка насторожилась, а Грунька не удержалась и просто душно спросила:

– А чего это они нам сделали, осы эти? Чего нам их побеждать?

Вовка горячо затарабанил в ответ:

– Ну, как ты не понимаешь? Они весь сад заполонили, летают везде, жужжат.

– Так ведь и пчелы жужжат, – не унималась Грунька.

– Я про пчел не говорю, они полезные, мед собирают, а эти осы только и ищут, кого бы ужалить. Хитрющие они, гнездо поближе к школе сделали, чтобы всех школьников пережалить, – от такой горячей речи у Вовки даже лоб вспотел, но его красноречие убедило подружек.

– А если они и нас пережалят? – подумав, засомневалась Мурка.

– Пусть только попробуют! Мы их живо прогоним из сада и разрушим логово врага – произнес Вовка, с угрозой подняв вверх кулак.

Глаза у компаньенок загорелись воинственным огнем,

а он продолжал:

– Бойцы!!! Командовать отрядом буду я!!!

– Вовка, я опять санитаркой буду, ладно? – спросила Майка.

– Ладно, но только и бойцом тоже, ведь у нас каждый меч на счету, – согласился он.

– А, у меня нет меча, – огорчилась она.

– Ничего у меня два, деревянный самодельный и настоящий, что Мишка на день рождения подарил, – утешил ее Вовка.

– А, мы с Муркой то же без мечей, – заволновалась Грунька.

– А, вам-то они зачем? Лучше вы их лаем да шипеньем пугать будете. И вот еще, нам всем маскировка нужна, чтоб поближе к гнезду незамеченными подобраться. Я себе у папы куртку возьму, в которой он на охоту ходит.

– Я тогда халат мамин старый возьму, – сообщила Майка.

– Ну вот, а мы опять без ничего, – недовольно заворчала Мурка.

– Да, для вас халатов негде взять. Ну, ничего, вы для маскировки прикинетесь, будто в сад просто так пришли погулять, – посоветовал мудрый Вовка.

– Хорошо, Вовка, мы уж так прикинемся, что они ни за что не догадаются, что мы воевать с ними пришли, – обрадовалась Грунька, ей совсем не хотелось какой-то там халат надевать.

Через пару минут из дома выскочила Майка в длинном до пят ярком малиновом халате, на ходу распахивая по карманам бинты и зеленку.

– Что-то халатик ярковатый какой-то, – засомневался Вовка.

– А, другого нет, – растерялась Майка.

– Ладно, и так сойдет, – великодушно согласился он и помчался за брезентовой курткой и оружием.

Рукава у куртки были до колен, и их пришлось подвернуть, а в остальном все было замечательно, отряд был готов к походу и Вовка отдал приказ:

– Отряд, стройся!

Первой встала Майка, руки по швам деревянный меч за поясом, за ней Грунька, хвост трубой, а в конце Мурка, шерсть дыбом.

– За мной, шагом марш! – скомандовал Вовка и, чеканя шаг, зашагал по дорожке. Отряд двинулся следом.

–левой, левой, левой! – командовал он, забыв, что у Груньки и Мурки не две, а четыре ноги и им никак это не суметь.

У деревянной ограды школьного сада они притаились, с опаской заглядывая туда через щели в заборе.

– Сидеть тихо, а я в разведку, – прошептал Вовка, отодвинул штакетину и пролез в сад.

Подружки напряженно молчали в ожидании, и вот из щели показалась рыжая голова в репьях:

– Враг на месте! Давайте все сюда.

Майский сад пушился яблоневым цветом, в сочной зеленой траве тут и там кивали колокольчики ландышей, бархатистые пчелки деловито облетали цветочки, собирая нектар.

– Вон, вон одна! – громко зашипела Мурка, увидев первую осу.

– Делай вид, что мы просто гуляем, – сквозь зубы прошестела Грунька и стала весело помахивать хвостом.

Майка запела – ля-ля-ля, и принялась рвать цветы, а Вовка стал зевать, будто ему ни до чего и дела нет. Оса улетела, ничего не заподозрив, а они пошли дальше через сад, неизменно приближаясь к осиному гнезду. Вдруг Вовка плюхнулся за малиновый куст и скомандовал:

– Всем залечь!

Пришлось выполнять, и они повалились, кто где стоял.

– Вон, вон, видите? На нижней ветке груши, – взволнованно зашептал он.

Все уставились на старую разлогую грушу. Действительно на нижней ветке висело что-то напоминающее мамин клубок, с небольшим отверстием, через которое влетали и вылетали осы. На миг им стало страшно, но тут раздался командирский приказ:

– Отряд к бою! В атаку на врага! Вперед!

И все они махом вскочили и с громким лаем, шипением и криками «Ура!» ринулись из кустов. Осы явно не ожидали нападения и продолжали спокойно виться вокруг гнезда.

– Ага, попались! – кричал Вовка, размахивая мечом.

Вскоре активное размахивание мечами у самого гнезда возымело свое действие, и осы стали виться вокруг нападавших с грозным жужжанием. Добровольцы не сдавались. Но, несмотря на храбрые их действия, осы не спешили покидать поле боя и даже наоборот число их возрастало, и жужжали они все нахальнее.

– Что-то мне все это не очень нравится, – первой насто-рожилась Мурка.

– Не тр-р-р-р-р, Мурка! – подбодрила ее Грунька, с громким лаем прыгая на облако ос.

Вовка и Майка вовсю колотили мечами направо и налево, рассекая воздух, так как осы были очень увертливыми. Осы же, наконец поняли, что пустым жужжаньем от храбрецов им не отбиться и пустили в ход свои острые жала. Первой досталось Груньке, видно ее лай больше всего злил ос:

– Ой-ой-ой! – заскулила она, завертевшись от боли, как юла.

– Ну, вот, а кто говорил – «не трус»? – съехидничала Мурка и тут же была ужалена в спину.

Ловко извернувшись, она сбила обидчицу на землю лапой.

В это же время Вовка был ужален под глазом, а Майка

в руку. Бой развернулся не на шутку. После третьего укуса Вовка не выдержал и завопил:

– Отходим!

Оглянувшись, он увидел, что его войско уже давно спасается бегством, и последовал за ним. Разъяренные осы преследовали их до самого забора. Майка путалась в полах халата и часто падала. За забором они едва перевели дух, но из сада все еще доносилось яростное жужжанье, и они снова пустились наутек. Лишь во дворе Майкиного дома они обессилено повалились на траву, стараясь отдышаться и почесывая укушенные места.

– Фу, вот это была битва так битва! – восторженно произнес Вовка.

– Вот мы им дали так дали! – поддержала его Грунька, вылизывая зудящую лапу.

– Это кто еще кому дал? – проворчала Мурка.

У Майки распухла рука, у Вовки перекосило лицо.

– И все-таки я здорово на них лаяла! – стояла на своем Грунька.

– Теперь-то они уж точно из школьного сада на новое место уберутся. Ведь мы им показали, что с нами шутки плохи – уверенно произнес Вовка.

– А, сейчас я вас всех забинтую и зеленкой намажу, – объявила Майка, – я ведь санитарка, вы что забыли?

– А, может, не надо? – заныли бойцы.

– Нет надо! – настояла она на своем, и принялась за ра-

боту.

А в школьном саду еще долго не могли успокоиться потревоженные осы, и только утерянные в бегстве мечи напоминали о недавней битве, да колокольчики тихо кивали в траве нежными соцветьями, сообщая залетному ветру о славной победе.

Сказка третья

Лечебная

Утро было ясное, но день отчего-то все никак не начинался. Вовка долго не приходил. Без него было скучно. Тогда Майка решила поиграть в больницу, ей нравилось всех лечить. «Больных» было трое – Грунька, Мурка и кукла Маша.

– Встаньте в очередь! – строго потребовала Майка, – вас много, а я одна, голова уже идет кругом – недовольно добавила она, явно кому-то подражая.

Грунька с Муркой тихонько захихикали, представив, как Майкина голова ходит кругом. Они совсем не любили играть в больницу, но им не хотелось огорчать Майку, и пришлось послушно встать в очередь у садовой скамейки, где она устроила свою лечебницу.

Первой в очереди была кукла Маша.

– Так, все ясно! У вас очень большой коклюш выскочил, – важно произнесла она, осмотрев куклу со всех сторон, – нужно сделать укол, – таков был ее приговор.

Привычной рукой Маше был сделан укол. Бедная, она даже не пикнула. А затем Майка уложила ее в мягкую траву, бережно укрыв большим листом лопуха.

– Следующий! – крикнула она в очередь.

Следующей была Грунька. С печальными глазами и вытянутой мордой, она обреченно подошла к «доктору», льстиво виляя хвостом в надежде, что лечение не будет слишком жестоким, и ее не будут колоть как куклу.

– Гражданка, откройте рот, – потребовала Майка.

Грунька послушно открыла пасть, от страха закатив глаза и пустив слезу, она до смерти боялась докторов.

– Ага, я так и знала, горло очень даже красное, – довольно произнесла Майка, – А теперь лапы покажите. Лапы грязные. Если не будете их мыть, у вас заболит живот. Немедленно вымыть и ко мне на лечение.

Грунька послушно потрусилась к тазу с дождевой водой, ей вовсе не хотелось, чтобы болел живот. В тазу плескались солнечные зайцы, а значит, водичка была теплой. Грунька охотно присоединилась к их компании, с визгом запрыгнув в таз и подняв при этом целый веер жемчужных брызг. Такое лечение ей явно было по душе. Проходящие мимо куры остановились, с удивлением глядя на скачущую в тазу с водой Груньку.

– Это еще что такое? Ах ты, негодница! Всю воду мне расплескала, – прикрикнула на Груньку мама, вышедшая на крыльцо, чтобы покормить кур.

Грунька мигом выскочила из таза и помчалась в садик под Майкину защиту.

– Мам, ну чего ты? Мы в больницу играем, – пояснила та ситуацию.

– Ах, в больницу, а я думала в баню, – иронично заметила мама и стала подзывать кур специальным тонким голосом, – цыпа, цыпа, цыпа.

Куры очнулись от столбняка и поковыляли к маме, съевшей им с крыльца пару горстей пшеницы. Бестолковые и скандальные куры, склевывая зерна, толкались и громко квохтали. Самой склочной была серопёрая Галина, поднимавшая спор из-за каждого зернышка. В их разборки пришлось вмешаться Петруше, молодому, тонкоголосому, но уже степенному и авторитетному петушку:

– Галька, цыц! Не скандаль, а не то клюну, ты мой характер знаешь, – пригрозил он.

Галина сразу присмирела, действительно зная его строгий нрав, а он гордо выгнул сизую шейку и закричал на всю округу:

– Ку-ка-ре-ку!

Ничего не поделаешь, он был слегка хвостоват.

А под яблоней дрожала от холода мокрая Грунька.

– Гражданка, вас всю трясет. Вам надо дать таблетку, – обратила на нее внимание Майка, – сестра, принесите полотенце, – повернулась она к Мурке.

Мурка, обрадованная, что ее перевели из больных в медперсонал, ловко стащила полотенце с веревки, где сохло стираное белье, и подала его Груньке. Укутанная в теплое махровое полотенце, Грунька сразу повеселела, но не тут-то было.

– Ну, вот, а теперь проглотите таблетку, и вам станет легче, – продолжала ее лечить Майка, пытаясь засунуть ей в пасть большую зеленую вишню.

– Только не таблетку, мне уже совсем хорошо, – уворачивалась от нее Грунька.

– Не спорьте, больная, доктор лучше знает, когда вам будет хорошо, – была неумолимой та.

– Да, да, доктор лучше знает, – поддержала Майку медсестра Мурка.

Грунька показала предательнице язык и, скривившись, проглотила таблетку-вишню.

– А вы на что жалуетесь? – обратилась Майка к Мурке.

– Я? Я ни на что не жалуюсь, – удивленно ответила Мурка, спокойно лежавшая до этого момента в ромашках, ковром устилавших весь сад, – Я ведь медсестра, доктор.

– Медсестры тоже болеют, – пояснила ей Майка, – А мне вот лечить всех приходится. А ну-ка, медсестра, покажите свой хвост. Что-то он мне не нравится.

– А, мне нравится, хвост как хвост, – оглянулась Мурка на свой пушистый хвостик.

– Что-то он у вас плохо висит, – беспокоилась Майка.

– Да хорошо, доктор, он висит, – встревожено уверяла Мурка.

– И все-таки придется вас полечить, – настаивала Майка.

Спорить было бесполезно, Мурке пришлось подчиниться и отдать свой хвост на лечение. Ощупав его сверху дони-

зу, Майка немного подумала и, достав из кармана бинт, тщательного его перебинтовала.

Тут снова на крыльце показалась мама, вытерла руки о фартук и позвала:

– Майка, бери свою команду и живо обедать!

Куры, продолжавшие вертеться у крыльца в надежде получить еще чего-нибудь, с интересом наблюдали необычную процессию – впереди вышагивала Майка с куклой Машей на руках, за ней мокрая Грунька, а позади хмурая Мурка, волочащая забинтованный хвост. Галина не удержалась и хихикнула, за ней захихикали остальные куры. Только Петруша, стоя на одной ноге, сдержанно косил левым глазом. Грунька же не удержалась и так рыкнула на них, что они кинулись врассыпную, теряя на ходу перья.

– Гражданка, вам вредно громко лаять, вы еще не совсем здоровы, – одернула ее Майка.

Из дома вкусно пахло супом и котлетами. Грунька с Муркой заметно повеселели и даже устроили в дверях свалку.

– Что, гулёны, проголодались? – смеясь, спросила мама, глядя на них голубыми Майкиными глазами.

Грунька с Муркой преданно смотрели на маму. Они очень любили свою подружку Майку и многое готовы были ей простить, но маму они любили особенно, ведь только она умела готовить такие вкусные котлетки.

Сказка четвертая

Театральная

Майка была права, после обеда все были уже совершенно здоровы. Сытые они валялись на коврике под той же яблоней, где еще совсем недавно была больница, но Груньке с Муркой не хотелось даже вспоминать об этом. Мурка свернулась калачиком, Грунька раскинулась круглым розовым животиком кверху, а Майка на боку, подложив под голову кулачек. Солнышко припекало, пряно пахло ромашкой, на заборе клевал носом Петруша, где-то в листве завел свою песню скворец и затих на полуноте, стало совсем тихо, дрема охватила весь двор. Майке грезились дальние цветные страны, Груньке удачная погоня за болтушкой Галиной, а Мурке полный горшочек сладких сливок.

– Эгэ-гэй! – раздался громогласный клич из соседнего двора.

Сонный Петрушка с испугу свалился с забора и удрал к своим подружкам-курушкам. Скворец запел с новой силой, а наши валяльщицы, несмотря на шум и гам, продолжали лежать, сонно потягиваясь, лень было встать.

– Спите, сони? – прокричал им Вовка, уже восседавший на заборе, – Все сказки свои проспите!

Мурка скрутилась калачиком в другую сторону, Грунька почесала свой живот, а Майка приоткрыла глаза, и на том конец. Но Вовка был не лыком шит, и отставать не собирался. Вмиг перемахнув через забор, он уже стоял перед ними:

– Майка, послушай! Мы вчера в городе с мамой были, в театре, спектакль про «Красную шапочку» смотрели. Так смешно! Идет, значит, эта «Красная шапка» по лесу, тут волк ей навстречу...

И Вовка стал живо и очень комично изображать театральную постановку. Вскоре и Майка, и Грунька, и Мурка уже покатывались от хохота.

– Лежит такая бабка в очочках, толстая претолстая, – продолжал Вовка, комично изображая старушку, а этот волк облезлый ей и говорит: «Это я, внучка твоя, Красная шапочка», представляешь? А потом взял и сожрал ее, живот у него стал большущий как шар, очочки ее одел, ходит по сцене облизывается и икает.

– Здорово, Вовка! – восхищалась Майка, – А мы с мамой в театре только на Новогодней елке были.

– А, мы с Грунечкой вообще никогда в театре не были, – грустно добавила Мурка.

– Так вы же животные, а животным нельзя в театр. Там даже табличка такая висит – «С животными вход воспрещен!», – пояснил Вовка.

– Вы, что ли не животные? Вон у вас какие животы! – с обидой сказала Грунька.

– Ну, не знаю, может и мы животные, – засомневался Вовка, посмотрев на свой живот, – Но уж видно не такие как вы, раз в театр пустили!

Эти слова очень задели Груньку.

– Это какие еще не такие? В театр нам нельзя, в школу нельзя, никуда нельзя! – возмущалась она.

– В зоопарк можно. – Вспомнил Вовка.

– В зоопарке надо держать того, кто правила эти придумал, – посоветовала Мурка.

– Ага, ага! – обрадовалась Грунька, – А мы бы на них за деньги ходили смотреть!

– Вот еще, за деньги? – недовольно пробурчала бережливая Мурка, – Мне они и даром не нужны!

– А, знаете, что? Давайте свой театр устроим! – предложила Майка.

– Давайте, давайте! – радостно закричали Грунька с Муркой, – Мы тоже хотим артистками быть.

– А, что! Запросто театр сделаем. Ничего там такого сложного нет, я видел, – согласился Вовка.

– Нужно еще Лариску и Веронику с Генкой позвать, а то у нас артистов мало, – предложила Майка.

– Да ну их! Начнут тут пищать, сю-сю-сю, сю-сю-сю, – возразил Вовка.

– Нет, Вовка, Лариска красивая и на цыпочках как балерина может ходить, а Вероника хорошая и совсем не жадина, – убеждала его она.

– Тоже мне, красавица, всем цыплятам нравится! – захихикал Вовка.

– Красавица или не красавица, а нам двоим театр не осилить, – твердо заявила Майка.

– А чего двоим, а мы что ли с Грунькой не в счет? – обиделась Мурка.

– В счет, в счет. Только, я думаю, надо и других ребят позвать, – сказала Майка.

– А, мне-то что, жалко что ли, давай позовем, – пошел на попятный Вовка.

Лариску с компанией найти было нетрудно, они, как всегда, сидели на песочной куче и лепили из мокрого песка «котлетки», играя в «дочки-матери». Лариска верховодила и была «мамой»:

– Лепи, доченька, котлеток побольше, скоро папа с работы придет! – советовала она Веронике.

Пятилетний Геночка был «папой». Он по уговору вышел к ним из-за забора с пустой бутылкой из-под пива.

– А вот и папочка к нам пришел! – засюсюкала Лариска, – Ну вот, опять в баре был, – сменила она тон, увидев бутылку, – Сколько раз я тебе повторяла – после работы сразу домой!

Маленький Генка не ожидал такого напора и стал оправдываться:

– Мамочка! Я больше не буду.

– Ну вот! Какая я тебе еще мамочка, совсем от пива ошалел, – возмущалась Лариска, играя голосом. И тут она увидела Майку с Вовкой и с ехидцей протянула, – Ага-а-а, походная команда пожаловала!

– А, вы все в куче своей навозной роетесь? – парировал

Вовка.

Черноволосые Вероника с Генкой уставились на него своими раскосыми чернущими глазами и белозубо заулыбались. Вовке они нравились за веселый добрый нрав и еще за то, что они были корейцами, а он обожал фильмы с корейцами, японцами и китайцами, потому что они дрались здорово.

– Ребята, давайте не ссориться. Лариска, мы пришли предложить вам в театр поиграть. Вернее, сделать самим театр и зрителей позвать, – сказала Майка.

Лариска тут же представила себя кружащейся на сцене, в душе она была актрисой. От воображаемого успеха у нее аж носик ее остренький покраснел и, быстро моргая белыми ресницами, она только и смогла сказать:

– А не врите?

– Ну, конечно же, нет! – заверила Майка, – Пошли к Вовке во двор театр строить.

Идея всем понравилась, и они ринулись гурьбой к Вовке, на ходу решая, о чем надо спектакль ставить.

– Давайте сказку про принцессу покажем, – сверкала серыми глазками Лариска, представляя себя принцессой.

– Ага, давайте, – вторила ей Грунька, тоже видимо претендуя на ту же роль.

– Ну, уж нет, – отрезал Вовка, – Мне от ваших принцесс уже тошнит. Лучше про войну или про экспедицию какую-нибудь.

– Я про войну не буду, я девочка, а не солдат, – дернула

носиком Лариска.

– Ну, что я говорил – Сю-сю-сю, Сю-сю-сю, – перекривил ее Вовка.

– Ладно, хватит ссориться, – остановила их Майка, – мы про животных играть будем. Можно по какой-нибудь басне спектакль поставить.

– «А лебедь р-р-рвется в облака, р-р-рак пятится назад, а щука тянет в воду...» Эту что ли? – многозначительно промурчала Мурка.

– Нет, лучше «Волк и ягненок», – хихикнул Вовка и алчно посмотрел на Лариску.

– Будем играть басню «Стрекоза и муравей», – объявила Майка, – Лариска будет стрекозой, она на цыпочках умеет кружиться, Вероника будет муравьем, она такая же шустрая и черненькая, я буду слова автора читать, а Вовка с остальной компанией будут погоду делать, это в басне самое главное.

Этот вариант всем понравился, даже Лариска осталась довольна, жаль, конечно, что не принцессой она будет, но воздушная стрекоза-балерина тоже хорошо.

Оставалось соорудить сцену, зрителей пригласить и у Вовкиной мамы разрешение спросить, чтоб в их саду спектакль устроить. Хорошо, что Вовкина мама была очень доброй, и в ней они не сомневались.

Такого сада как у Вовки не было во всем поселке, роскошный, пышный, утопающий в розах. Вовкина мама обо-

жала розы. Розовый дух кружил нашим актерам головы и сулил успех. Со сценой долго возиться не стали, просто повесили старое одеяло между двух яблонь – вот тебе и занавес. Впереди сцены выставили рядами табуретки, скамеечки и стулья, потом немного порепетировали и пошли гостей звать. Вовкиной маме, она очень любила театр, достался первый билет, оторванный из Вовкиного нового блокнота. Зато Майкину маму пришлось долго уговаривать, ей отчего-то не хотелось стирку свою бросать. У Лариски во дворе кроме мамы, бабушки и дедушки они застали еще посторонних двух тетенок и их тоже позвали. Родители Вероники с Генкой огород поливали, но с радостью все бросили и пошли на представление.

Ребята были счастливы, в зале был аншлаг, как сказала Вовкина мама, т.е. народу полным-полно. Пришли даже соседские бабульки, вечно сидящие на скамейках у забора. Стало даже немного боязно – вдруг они доверие зрителей не оправдают. За кулисами происходили последние приготовления. Лариска-стрекоза поправляла свое пышное розовое платье и такой же розовый огромный бант в распущенных волосах, Вероника подтягивала блестящие черные лосины, во всем черном она действительно смахивала на муравья. Вскоре в зрительном зале послышались нетерпеливые редкие хлопки, и представление началось.

Майка с важным видом выступила из-за кулис и начала читать:

Попрыгунья стрекоза
Лето красное пропела;

И сделала паузу. Тут же из-за кулис выскочила Лариска-стрекоза на цыпочках, как балерина, и, припевая «ля-ля-ля, ля-ля-ля», стала кружиться. За ней следом вышла Вероника-муравей с охапкой хвороста и начала ходить с ним по сцене туда-сюда, изображая непосильный труд. Так же чинно как она за ней сзади ходил муравейчик-Генка. Майка продолжала читать:

Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.

Вовка, сидящий на дереве, стал сыпать на сцену снег – клочки белой бумаги, а Грунька с Муркой истошно завыли из-за кулис, изображая вьюгу. Лариска-стрекоза замахала на месте крыльями-руками, исполняя танец «умирающего лебедя», а Вероника-муравей уселась на своей вязанке хвороста, делая вид, что попивает себе чаек из блюдечка. Генка тоже примостился рядом с ней на травке, достал из кармана настоящий пряник и начал, как ни в чем, ни бывало, его грызть.

Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол, и дом.

Печально читала Майка. Лариска-стрекоза, осыпаемая белыми хлопьями, заметалась по сцене как угорелая, а Майка

читала дальше:

Все прошло с зимой холодной

Нужда, голод настает;

Стрекоза уж не поет;

И кому же в ум пойдет
На желудок петь голодный!

При этих словах Лариска-стрекоза схватилась за свой живот и закашляла.

Злой тоской удручена,
К муравью ползет она;

Продолжала Майка, а Лариска-стрекоза брякнулась на землю и поползла к Веронике-муравью, это было очень эффектно, и в зале зааплодировали.

Не оставь меня кум милой!
Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!

Майка читала, а Лариска – стрекоза картинно заламывала руки, умоляюще глядя на Веронику-муравья. Старушки утирали слезы, а Вовка на дереве так хохотал, что едва не свалился. У Лариски был врожденный дар актрисы.

«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?»
Говорит ей муравей.

При этих словах Вероника-муравей вскочила, подошла к извивающейся на земле Лариске-стрекозе, и погрозила ей пальцем.

«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас

Песни, резвость всякий час,
Так, что голову вскружило!»
«Ах, так ты...» – «Я без души
Лето целое все пела»

Тут Лариска-стрекоза снова вскочила, отряхнулась и стала показывать, как она пела.

«Ты все пела? Это дело:
Так поди же попляши!»

Грозным голосом завершила Майка. Вероника-муравей затопала на Лариску-стрекозу ногами и указала ей пальцем куда-то вдаль. Убитая горем Лариска-стрекоза поплелась прочь, то становясь на цыпочки, то начиная хромать.

Зрительный зал разразился бурей аплодисментов. Майка, Вовка, Генка, Грунька с Муркой и Лариска с Вероникой по очереди выходили кланяться. Больше всего хлопали, конечно же Лариске. Особенно были растроганы горькой судьбой стрекозы бабульки с уличной скамейки, они даже кричали «бис» и «браво». Красная от счастья Лариска все кланялась и кланялась, пока Грунька не утатила ее за подол платья со сцены. Вовкина же мама расцеловала всех актеров и одарила букетами роз. Ей очень все понравилось, и еще она сказала, что никогда в жизни так не смеялась.

Вскоре зрители разошлись, а в Вовкином саду еще долго раздавалось:

– А помните, как я чуть с дерева не упал?
– А я, а я? Я так выла, лучше, чем выюга!

– Нет! Это я лучше, чем выюга!

– А вы забыли, как я к муравью ползла?

– А вы помните как я?

– А я? А я? А я?..

Детский щебет сливался в единый гомон с громким чирканьем доселе молчавших взъерошенных воробьев в яблонево́й листве, видно тоже вспоми́навших удивительный спектакль, с шелестом листьев и шорохом неведомых вечерних теней.

Сказка пятая

Подземельная

Лето катилось под горку, как спелое яблоко. Вот уже и август. На смену жаре пришли Ильинские грозы. Когда-то бабушка рассказывала Майке, что в августе Святой Илья проносится по небу в огненной колеснице, посылая на грешную землю громы и молнии. С тех пор ничего не переменялось.

Вот и вчера была жуткая гроза, дождь лил как из ведра, молнии змеями метались по небу, а гром взрывался и тарахтел, как будто из-под земли. Грунька с Муркой грозы боялись, и весь день просидели под столом, за которым сидела Майка, болтая ногами и рисуя страшную сказку, про подземное царство, в котором жила добрая принцесса, плененная злыми великанами.

А сегодня солнце, как ни в чем, ни бывало, сверкало на свежевывытом синем небе. Майка с Грунькой и Муркой вышли во двор, но играть не было никакой возможности, кругом были лужи, а к ногам приставала липкая грязь. На заборе сидели петух Петрушка и верный друг Вовка.

– Ну, сколько можно вас ждать? – недовольно прокричал Вовка, спрыгивая в самую гущу буйно цветущих георгин и астр.

– А чего ты ждал? Разве в этой грязи можно в какую-нибудь игру играть? – пробурчала в ответ Майка, поправляя чистенькое голубенькое платьице.

– А чего было так вырядаться? – в свою очередь спросил он, шлепая к дому босиком прямо по лужам.

Майке стало очень даже завидно, что он вот так свободно по лужам шлепает. Его хитрая веснушчатая рожица светилась удовольствием.

– Ну, что так и будете, как принцессы на крыльце стоять? – не унимался он.

– Мяу-Майечка, может лучше домо-ой пойдём? Дома сухо, тепло, – заныла Мурка.

– А тут, зато здор-р-рово! – весело взрыкнула Грунька, мигом слетела с крыльца и запрыгнула в ближайшую лужу, подняв фонтан брызг.

Тут и Майка не в силах больше терпеть скинула босоножки и пошлепала босиком. В луже вода была теплая-теплая, мелкие травинки щекотали пятки, а жидкая грязь ве-

село чавкала. Только чистюля Мурка осталась сидеть на крыльце, неодобрительно глядя на распоясавшуюся братию. А Майка с Вовкой и Грунькой бродили от лужи к луже в поисках самой глубокой.

За гаражом был погреб, дверь в него была приоткрыта. Видно мама забыла закрыть, когда утром за картошкой ходила.

– А давайте в погреб слазим, грушек себе наберем! – предложила Майка.

– Ага, давай. – Согласился Вовка, вмиг представив себе большую кучу медово-сладких зеленоватых с розовым бочком груш, еще недавно запретно манящих в соседский сад.

В погреб спускались осторожно по крутым ступеням. С каждой ступенькой становилось все темнее и холоднее. Прикосновение холодных влажных стен рождало страх призраков подземелья. В самом низу безраздельно царил мрак. Сладко пахло яблоками.

Когда глаза привыкли к густому сумраку погреба, они стали различать на земляном полу кучей сваленные картошку, морковку и свеклу. Вдоль стен тянулись полки, уставленные бутылками и банками компотов и солений, разные там огурчики – помидорчики. С потолка свисали какие-то копчености. А заветные груши с яблоками были уложены в ящики и пересыпаны опилками.

– А нам не попадет? – с опаской спросил Вовка.

– Да нет, – заверила Майка, – мы же только грушек возь-

мем и все, а шkodить и не будем, – неуверенно добавила она.

Порывшись в ящиках, они набрали себе груш поспелей и покрупней, и уже собирались выбираться наверх, как тут раздался подозрительный шелест и какие-то вздохи из дальнего темного угла. От страха Майка с Вовкой застыли на месте, не смея шагу ступить на вмиг отяжелевших ногах.

– Кто тут? – дрожащим и, отчего-то тонким, голосом спросил Вовка.

– Не знаю, – эхом отозвалась Майка.

И только Грунька храбро кинулась навстречу неизвестности, где-то там поскреблась, к чему-то там попринюхивалась, пару раз громко чихнула, а потом заявила:

– Да ничего тут нет! Камешки только какие-то сверху сыплются, вот и все.

– Штукатурка, наверное, – предположила Майка.

– А ты уже испугалась – решила, что там чудище какое-то сидит, – поехидничал Вовка.

– Сам ты чудище, еще больше меня испугался, – парировала Майка.

– Да, чтобы я испугался? – обиделся он.

– А давай в подземное царство играть, – предложила она.

– Угу, давай, – одобрил Вовка, вгрызаясь в сочную большую грушу.

– Ладно, сидите тут, а я мигом домой сгоняю – и что-нибудь для игры этой принесу, – предложила Майка.

– А я за Муркой побегу, а то она все самое интересное

пропустит, – кинулась ей в след Грунька.

– А я, пожалуй, еще одну грушу съем, – решил Вовка, вытирая сладкий сок с подбородка.

Вскоре в погреб ввалилась Майка с ворохом какого-то тряпья. За ней с лаем скатилась Грунька, а за той Мурка, которая сразу принялась шарить по углам в поисках мышей.

– Мурка! Тебе не стыдно, ты же воспитанная кошка и не станешь мышей есть? – пристыдила ее Майка.

– Конечно, не стану! – заверила ее Мурка, продолжая шнырять между ящиками и кадками.

– А это еще зачем? – недоумевал Вовка, перебирая яркие тряпки, принесенные Майкой.

– А вот я сейчас принцессой подземного царства стану, – объяснила она, заворачиваясь в красное атласное покрывало и цепляя к волосам кружевной белый тюль.

– Ух, ты! Принцесса настоящая! – Восхитилась восторженная Грунька.

– Нет не принцесса, – отрезала Мурка.

– А кто? – опешила Майка.

– Царевна! – заверила Мурка.

– Ха-ха-ха! Царевна задрипаная, – издевался Вовка, – А дальше что?

Майка молча стояла в подземельном сумраке с по-царски гордо поднятой головой.

– А давайте ребятам на улице скажем, что у нас в погребе царевна появилась, а потом заведем их сюда и покажем – вот

они напугаются, – предложила Грунька.

– Это мысль! – заинтересовался Вовка, а довольная похвалой Грунька завилыла хвостом.

– Вот еще, что придумали, – поморщилась Майка, – Я вам что – пугало?

– Ты только представь, стоишь ты в темноте, никто тебя не видит, а я фонариком на тебя р-р-раз – и они в шоке! – расписал он будущий эффект, подкрепляя слова мимикой и активной жестикуляцией.

– А вдруг узнают? – засомневалась Майка.

– Не узнают, я тебе сейчас очки от папиного мотоцикла принесу, заверил Вовка.

– Я еще в очках от мотоцикла не ходила, – хмыкнула она.

– Да это я просто не так сказал – не от мотоцикла, а для мотоцикла, – поправился он.

– А разница в чем? – недоумевала Майка.

– Вот принесу, увидишь в чем, – сказал Вовка и помчался домой.

Настала очередь Вовку ждать, а Грунька с Муркой за детьми на улицу кинулись. Нечего делать, пришлось и Майке грушами утешаться. Вовка ждать себя долго не заставил. Действительно в больших круглых мотоциклетных очках Майку было не узнать, и вообще вид у нее стал какой-то фантастический. Скоро сверху донеслись детские возбужденные крики, перемежающиеся громким лаем и мяуканьем.

– Майка, живо прячься! – зашипел Вовка, – запихивая ее

за ящики и отправляясь наверх. Яркое солнце резнуло глаза, и он на какое-то время ослеп. Когда глаза стали видеть, оказалось, что его окружает толпа ребятишек. Дергая его за рубашонку, они наперебой верещали:

– Это правда, Вовка? Что там у вас? А ну, покажите!

– Тихо! – осадил он их, – мы сегодня вот с Грунькой и Муркой забрались в погреб груш поесть... – Вовка сочинял, а Грунька с Муркой важно кивали.

– С каких это пор Грунька с Муркой груши есть стали? – ехидно спросила самая старшая из всех Лариска.

– А что, нельзя что ли за компанию в погреб залезть? – оправдывалась Грунька.

– А чего это вы без спроса в погреб полезли? – не унималась Лариска.

– Со спросом мы, со спросом, – защищалась Мурка, – нам Майка разрешила, а сама в магазин пошла.

– А дальше что? – пропищал щербатый малыш Генка.

– А дальше вот что, – продолжил Вовка, – я, значит, только в ящик с грушами сунулся, а тут за спиной что-то как зашуршит! Думал мыши, так нет – она, царевна подземная. Стоит, глазами лупает.

– Ой! Как интересно, – восхитилась Вероника.

– А чего это она глазами лупает? – не унималась Лариска.

– Вечно ты не о том, – огрызнулся Вовка, – Не хочешь смотреть, иди себе мимо.

– Ладно, не обижайся, – примирительно заговорила Ла-

риска, – Я тоже посмотреть на эту лупастую царевну хочу, – добавила она, не удержавшись от ехидства.

– Хорошо, только заводить я буду вас по одному, чтоб из нее от страха инфаркт не вышел, – согласился он.

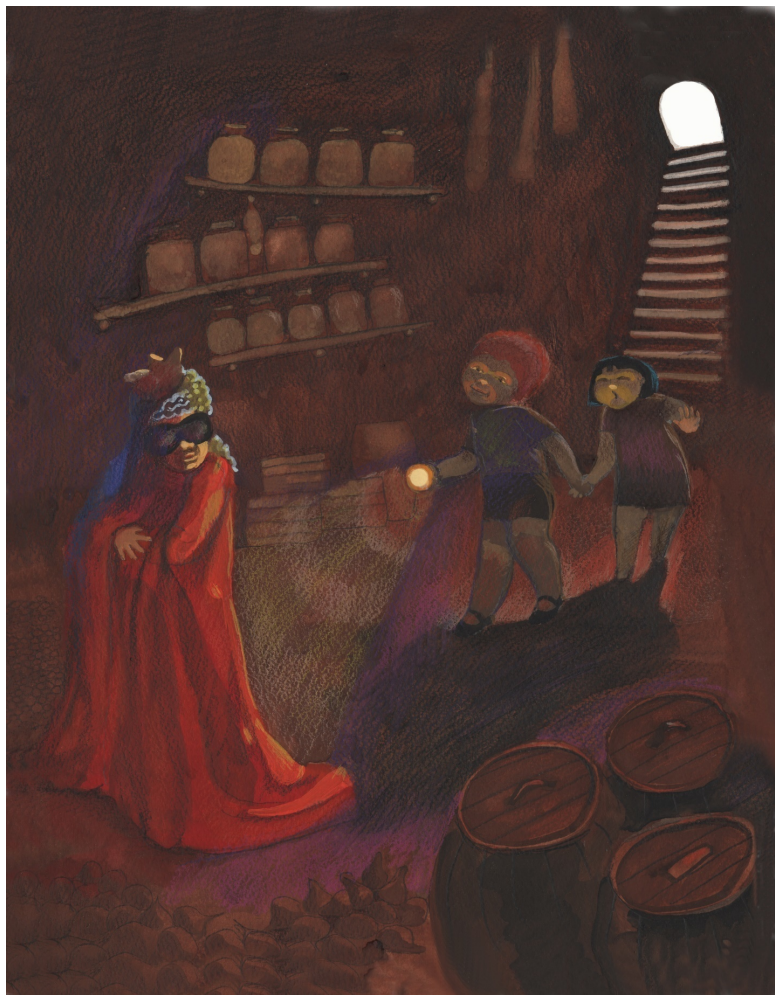
– Не выйдет, не выйдет. Мы потихонечку. – Заверила его Вероника.

После этих слов Вовка ее первой и выбрал. Вероника доверчиво подала ему свою шершавую от постоянных игр в песке ладошку, от чего он себя сразу ощутил защитником и осторожно повел вниз по ступеням. Оказавшись в полной темноте подземелья и ощущая чье-то еще присутствие, Вероника, громко цокая зубами, зашептала:

– Вовочка, миленький, не хочу я на эту царевну больше смотреть, давай лучше наверх выбираться.

– Майка еле сдерживалась, чтоб не рассмеяться. Вовка, продолжая крепко держать Веронику за руку, утешал ее:

– Не бойся, Вероничка, я сейчас фонарик включу, это тебе от темноты страшно.

В тусклом свете старого фонарика Вероника к своему ужасу увидела, что в дальнем углу кто-то стоит и смотрит на нее жуткими огромными глазами. Вырвавшись из Вовкиной руки, она с визгом бросилась вон, за спиной послышалось ужасное хрюканье. Вовке на миг даже жаль стало ее, но не в его правилах было останавливаться на пол пути.

– Майка! Ну, хватит хохотать, сейчас за следующим пойду.

– Ой, я не думала, что нам правда поверят, ха-ха-ха, – не унималась она.

А наверху перепуганную Веронику окружили ребята.

– Ну, что там, правда царевна? – допытывались они, а она только кивала в ответ, потеряв дар речи.

Следующим был Генка. Он сам храбро пошел вниз, но, однако в темноте и ему стало не по себе.

– Смотри, Генка! Смотри! – зашептал Вовка, высветив лучом фонаря что-то красное блестящее с белой головой и большими круглыми глазами.

– Здра-а-асьте... – со страху пролепетал он.

– Буль-буль-буль – ответило существо.

Тут и у Генки нервы сдали, и он опрометью выскочил наверх.

– Чего это ты булькаешь? – спросил Вовка.

– А что ты хотел, чтобы я «здравствуй, Гена» сказала? – смеясь, ответила Майка.

Наверху был переполох. Ладно, Вероника – девчонка испугалась, но Генка... После этого по одиночке ходить в подвал уже никто не решился. Оставшиеся искатели приключений, держась друг за дружку и сбившись гурьбой, медленно сошли в подземелье. Грунька с Муркой замыкали шествие. Привычным движеньем Вовка осветил угол с «царевной». Майка же решила расширить свое представление – и, жалобно булькая, стала протягивать к ребятам руки. Эффект был потрясающим – они с воплями кинулись наутек. Даже Грунька с Муркой испугались, хоть и знали тайну «царевны подземелья».

Еле переведя дух от жуткого восторга, они засыпали Вовку вопросами:

– Вовочка, а как же теперь? Она что всегда тут будет? А может и раньше была?

– Да не знаю я ничего, – ответил он, – вот буду стеречь ее пока Майка не придет.

Все с уважением смотрели на храброго Вовку, а потом соскучились и пошли по домам. Только после этого Майку позвали наверх. Подземная «царевна» – Майка выползла наверх со сбитой набок накидкой и стуча от холода зубами:

– Вот, глупые? Я думала, они будут восхищаться моей красотой, а они перепугались все как зайцы.

– Ха, восхищаться, – хмыкнул Вовка, – ты бы видела себя в этих очочках, булькающую из-за ящиков: «Буль-буль, буль-буль».

– Буль-буль, буль-буль, – повторила Грунька и зарыкала от смеха.

– Буль-буль, буль-буль, – смеясь, вторила ей Мурка.

А когда Майка сама повторила свое коронное «Буль-буль, буль-буль-буль» все так и покатались от хохота.

И тут из-за забора донеслось сразу несколько детских голосов:

– Буль-буль, буль-буль-буль!

И десятком переливов зазвенел над всей округой веселый детский смех.

Сказка шестая

Улётная

Вовка с Майкой сидели на вишенке, поедая уже подсохшие сладкие ягодки. Мурка сидела рядом на дереве, но вишен не ела. Грунька устала задирать голову, глядя на них, и разлеглась в мягком спорыше. Между тем во дворе назревал жуткий скандал. Под крышей старого сарая возмущенно кричали ласточки. Птенчики-детки подросли, и пора уже было «ставить их на крыло», но избалованные и сытые, они не собирались покинуть теплое родительское гнездышко. Напрасно ласточка мать указывала детям в небо, где сотни их сородичей радостно порхали в вышине.

В небе же была торжественная тишина, и громоздились белоснежные дворцы облаков. Майка поглядывала на них:

– Вот бы жить среди такой красоты!

– Где жить? – не понял Вовка.

– Вон в том дворце, – указала Майка рукой в небо.

– Да, ничего себе, – согласился он.

– Да, нет ни «ничего себе», а дворец чудесный, – поправила его Майка, стоя на облачной полянке прямо перед самым дворцом.

Небо отсюда было не синим, а фиолетовым. Облачная полянка искрилась и сверкала на солнце. Босые пятки обжигала раскаленная пушистая поверхность облака. «Быстрее во дворец! Жаль, что сандалии под вишенкой остались» – подумала Майка и припустила под высокие своды белоснежного дворца. «Фу-у-у», – облегченно вздохнула она в прохладном зале. С белого лепного потолка на гладкий скользкий пол со звоном падали капельки воды. Прислушавшись, Майка различила своеобразную музыку звонкой капели.

Окна не были застеклены, поэтому ветерок спокойно мог влетать в них и бродить по пустым залам. «А может не по пустым?» – подумала она, – «Может тут кто-нибудь живет? А кто же может жить на такой высоте? Ангелы, наверно», – рассуждала Майка – «О! Вот один уже появился!». В окне торчала знакомая рыжая, вихрастая голова с веснушчатым носом и улыбкой от уха до уха.

– Что, Майечка, попалась? Одна хочешь по облакам бегать и облачные дворцы смотреть? – Вовкиным голосом прокричал ангел и влез через окно.

– Попа-а-лась! Попа-а-лась! – лаяла, вбегая в зал, Грунька, а за ней Мурка:

– Как на облака так без нас?

И вот уже вся компания снова была в сборе.

– Как же, без вас? Даже в собственном воображении сама не побудешь, посетовала Майка, – Ну, ладно, раз вы тут, пошли дворец посмотреть!

У Груньки с Муркой лапы разъезжались на мокром полу. А Вовка разогнался и проскользил по полу как на катке. Вслед за ним Майка. В соседнем зале было много каких-то пушистых подушечек, из них легко можно было лепить все что угодно. Вскоре по всему дворцу летали пушистые белоснежные зайцы, медвежата, ежики, машинки и даже мозговые косточки, которые упорно лепила Грунька. Вовка слепил мяч и предложил всем поиграть в футбол, но уже через пять минут все футболисты были мокрехоньки, хоть выжимай.

– А ну пошли во двор сохнуть. – Предложил Вовка.

В некоторых местах облачная полянка была дырявой, и в эти дырки было видно, как под ними проплывает земля, малюсенькие садики, огородики, домики, и даже машинки и поезда, снующие взад и вперед по шоссе и железным дорогам, как жучки и червячки по своим тропинкам.

– Здорово как! – замороженная зрелищем, прошептала Майка.

– Интересно, а как далеко мы от дома улетели? – неожиданно спросил Вовка.

– Очень даже интер-р-ресно! – спросила Грунька.

– А мне вот интересно как мы вернемся? – озадачила всех Мурка.

– Да проще простого, – уверила всех Майка, – наше облако куда летит? На юг. А под нами, гляньте, куда облако летит? В другую сторону. Значит, что надо сделать?

– А может, в Африку махнем? – предложил неутомонный Вовка.

– Нет уж, в другой раз. Домой пора. – Осадила его Майка.

– Ладно, будем на северные облака катапультироваться, – нехотя согласился он.

Вовка первым слез с вишни и помог слезть Майке, Мурка спрыгнула за ними следом. Внизу, виляя хвостом, поджидала выспавшаяся Грунька.

– Вовка! Вот бы нам как птицы уметь летать! – мечтательно сказала Майка.

– Как птицы – это хорошо, – согласился он.

– Да, за птицами это хорошо, – поддержала и Мурка.

– Гонять их по небу – это весело, – добавила Грунька.

– А давайте крылья себе смастерим и с крыши сиганем, – от мечтаний к делу перешел Вовка.

– А как? – хором спросили Майка, Грунька и Мурка.

– А чего тут сложного, – ответил он, – как будто каждый день крылья делал, – Возьмем старых газет побольше и склеим.

Вскоре вся компания уже что-то резала и клеила тут же на садовой скамейке. Из газет крылья вышли слишком мягкие, пришлось добавить картон и вот чудо-крылья уже готовы. Испытателем выбрали, конечно, самого храброго – Вовку. Крылья прочно привязали к его рукам. Долго он стоял посреди двора, запрокинув голову в синее небо и размахивая крыльями, пестревшими газетными заголовками, но не

смог оторваться от земли ни на йоту. Пот струился по его лбу. Любопытные куры вертелись тут же и живо обсуждали происходящие события. Дельное предложение выдал петух Петруша – он предложил полететь с разбегу. Стал Вовка бегать, распустив крылья по асфальтовой дорожке как по взлетной полосе, но опять без толку, хоть временами казалось, что стоит еще чуть– чуть увеличить скорость и начнется подъем. Наконец он совсем выбился из сил и попросил пить. Майка сбегала к колодцу и принесла бедному испытателю кружку студеной водицы.

Троица валялась в траве, потеряв всякую надежду полететь. И тут их внимание привлекли ласточки. Они продолжали учить летать своих птенцов, и делали это очень просто, выталкивая их из гнезда. В этой ситуации птенцам больше ничего не оставалось, как лететь.

– Вот это да! – восхищенно сказал Вовка, – а я километры наматываю.

– Ага, а нужно лишь, чтоб ты на крышу влез, а мы тебя оттуда спихнули, – догадалась Грунька.

– Чего меня пихать, я и сам спрыгну, – пообещал Вовка.

– Ладно, можешь на крышу гаража влезть, там лестница стоит, а я для страховки одеяло принесу, мы его внизу держать будем на всякий случай, – посоветовала Майка.

И вот Вовка уже на крыше, на самом краю, а внизу Майка, Грунька, Мурка и Петруша с растянутым за углы одеялом. Галдевшие до того без умолку куры от волнения смолк-

ли. Постояв еще мгновение, Вовка собрался с духом, помахал крыльями и шагнул вниз. Как хотелось им всем, чтоб он полетел, но крылья его безобразно вывернулись, и он рухнул вниз. Все ойкнули, а одна особенно нервная курица даже в обморок упала. Слава богу, что Майка догадалась оделяло растянуть, это немного смягчило удар, но удар все-таки был. В глазах его стояли слезы от боли и неудачи, но он мужественно держался и не распускал «нюни». Майка сочувственно похлопала его по плечу:

– Молодец, Вовка не побоялся, я бы в жизни не смогла прыгнуть.

– Да ладно, чего уж там, – хорохорился он.

Грунька ласково лизнула его в нос, Мурка потерлась об ушибленную ногу, а Петруша заголосил на всю округу:

– Ку-ка-реку! Ура! Состоялся первый в мире прыжок с крыльями с гаражной крыши!

Тут и куры спохватились и бросились Вовку поздравлять. В один миг его неудача в подвиг превратилась. А главное торжествовала дружба, и небо стало гораздо ближе.

Сказка седьмая

Прощальная

Август в этом году был красным от яблок. Тяжелые ветки сплошь в яблоках пригибались до самой земли. Яблочный аромат казался густым. Вовка с Майкой сорвали с дере-

ва по яблоку и дружно захрустели, откусывая большие сочные куски. Они сидели на скамейке, болтая ногами. Подружки Грунька с Муркой, конечно, тут же под скамейкой.

– А у меня Равлик-Павлик есть! – похвастался Вовка, доставая из кармана большущую виноградную улитку.

Он осторожно опустил её на скамейку, и все дружно запели:

– Равлик-Павлик, высунь рожки, дам тебе чуть-чуть горошка!

Видно Равлик-Павлик очень любил горошек, поэтому вскоре из коричневого витого домика показались, сперва, острые розовые рожки, а потом и весь моллюск. До конца из домика он, правда, не вылез, а так и пополз, таща его на спине. Домик у него, наверное, был очень тяжелый, поэтому он полз еле-еле, в общем, медленней черепахи.

– А у меня еще кузнечик есть и божья коровка! – снова похвастался юный энтомолог-Вовка и достал из того же кармана спичечный коробок, слегка потряс его и приставил к Майкиному уху. В коробке слышался громкий стрекот.

– Все, хватит! – решительно заявила Майка, – Хватит всех их мучить! Давай их отпустим на волю.

– А кто их мучает? – защищался он, – я им даже хлеба в коробку положил.

– Станут они твой хлеб есть, у них у всех домик есть и детки, – печально произнесла Майка.

– Ну ладно, я- то что, давай отпустим, – согласился Вовка

и открыл коробок.

Зелененький кузнечик тут же прыгнул в траву и был таков. А вот божья коровка отчего-то продолжала сидеть в коробке без всякого движения. Пришлось Майке ее на ладошку себе пересадить и коровкину песенку спеть:

Солнышко! Солнышко! Полети на небко.

Там твои детки кушают котлетки.

Песенка подействовала, у божьей коровки появился аппетит и она, расправив крылышки, полетела на «небко». Только Равлик-Павлик остался с ними, ведь домик его был при нем.

– Скоро в школу идти, мне мама уже форму купила, рюкзак и букварь, – обрадовано сообщил Вовка.

– Мне тоже все для школы купили, но я еще не решила, хочу я туда или нет, ведь в школе сказок нет, – грустила Майка.

– А может, есть? – с надеждой сказал он.

– Что-то я очень сомневаюсь, посмотри на Лариску, какой она скучной стала после школы. – Стояла на своем Майка.

– Да она и до школы скучищу нагоняла, да еще и задавака, – не отставал Вовка.

– Нам бы с Мурочкой тоже в школу не мешало бы сходить, – вступила в беседу Грунька, – мы с Мурочкой очень к наукам способные.

– Ну и чего, сходите, – предложила им Майка, – только сидеть там надо тихонько, а у вас «никакого воспитания»,

как мама говорит.

– Ну, уж не хуже вашего воспитаны, в одном доме живем, – обиделась Мурка.

– Ладно, не дуйся, все вместе в школу пойдем, – успокоила их Майка.

– Майка, а давай на море ходим! – предложил неугомонный Вовка.

– Мне мама строго настрого без старших на море ходить запрещает, – ответила она.

– Ну, так, а я же «старший» и есть, – обрадовался он, – Ты забыла, ведь я на три месяца тебя старше. А потом скоро осень, в школу станем ходить, и моря аж до следующего лета не увидим!

. В его словах был резон, и Майка согласилась.

Дорога к морю была не близкой, но раз решившись, друзья уже не отступали от своей цели, и тут же отправились в путь. Вскоре с морским бризом долетел густой йодистый запах водорослей, и вот уже последние дома поселка за спиной, а впереди во всю ширь горизонта глянцевые пенистые волны.

– До чего здорово, Вовка! – восторженно проговорила Майка, вглядываясь в синие морские дали, – Как хорошо, что ты придумал к морю сходить.

Вся компания выстроилась на обрывистом берегу, любуясь морским пейзажем и не торопясь скатиться по узкой тропинке на белый песчаный пляж, где важно расхаживали толстые бакланы.

Солнце стояло уже высоко и с улыбкой шурилось на приморский поселок в разноцветных крышах и красных яблоньках, на темно-синее осеннее море в бегущих к берегу белых барашках, на парящих над волнами белокрылых чаек, и на двух ребяташек, стоящих на крутом обрыве, взявшись

за руки в окружении желтой кошки и бурой таксы.